

Олег Фомин

Два цвета времени

В детстве мы никогда не задавались вопросом, какой национальности наши соседи, товарищи во дворе или в школе. Уже позже мы поняли, что среди нас есть русские, украинцы, белорусы, молдаване, татары, евреи, осетины.

Помню, как хоронили бабушку моей одноклассницы. Нам было лет по десять, и мы не понимали, почему ее вынесли из подъезда, с головы до пят закутанную во что-то белое, то ли в простыню, то ли в какую-то белую ткань. Для многих из нас такой обряд был в диковинку. И тогда кто-то из взрослых пояснил, что она татарка, и поэтому ее хоронят по мусульманскому обычаю. Но все это никак не отражалось и не могло отразиться на наших взаимоотношениях. По сей день между нами присутствует та же теплота, то же дружелюбие, та же любовь, которую мы испытывали друг к другу сорок лет назад. Единственное, что изменилось, – мы стали старше, мы разбросаны по миру: Украина, Россия, Германия, Израиль, США и другие страны. И самое печальное – нас становится все меньше и меньше.

В разные годы люди многих национальностей принимали меня за своего, часто обращались с какими-то вопросами: по-азербайджански, по-армянски, по-чеченски, по-турецки и даже по-цыгански, хотя лично я никогда не считал себя похожим на турка или цыгана. Для меня национальный вопрос вообще не был вопросом, до поры до времени.

В 2014-м я приехал в командировку в Киев. И решил собрать в ресторане своих бывших подчиненных, нашу слаженную команду. Пришли почти все, кроме тех, кто болел. Вдоволь наговорились: у кого как сложилась судьба, кто чем занимается, семейные

хроники. Было комфортно до тех пор, пока один из присутствующих не спросил: «Олэг Геннадийовыч! А вы кто по национальности?». Говорил он на суржике.

– Русский, – отвечаю.

– Не розумию.

– Что ты не розумиеш?

– Як цэ можэ буты?

– У меня мама и папа русские, и у них родители тоже русские, что там дальше, не знаю.

Мой ответ его явно не удовлетворил, и он решил уточнить:

– Вы з якого миста?

– Из Донецка.

– А Донэцьк – это що?

– В каком смысле?

– Яка краина?

– Украина.

– Правильно! – одобрил дознаватель и тут же снова уточнил: – Так хто вы по национальности?

– Русский.

– Нэ розумию, як це так?! – не отставал он.

– Так, а что тебе не понятно?! – начал заводиться я. – Может, мне не повезло, а тебе, наоборот, повезло, что ты украинец и родился в Украине! А вообще, если уж на то пошло, я родился в Советском Союзе! Если ты имеешь в виду, какой страны я гражданин, так я гражданин Украины. А еще в Украине проживают люди многих других национальностей – молдаване, узбеки, азербайджанцы, армяне и так далее.

– Ни, ну я всэ равно нэ розумию, як цэ можэ буты? – не унимался настырный следователь.

– Да ладно, что ты прицепился к человеку? Не для того мы здесь собрались, чтоб с национальным вопросом разбираться! – вступились ребята, и ситуация разрядилась.

Примерно в десять вечера подошел официант: «Вы извините, моя смена закончилась. Можно, я вас рассчитаю? А вы гуляйте дальше».

Мы не возражали, и он принес счет. Все полезли за кошельками, но когда и я достал деньги, ребята чуть ли не хором стали

протестовать, чтобы я убрал их, потому что они заранее договорились заплатить за меня. Я пытался возражать: мол, сам же всех собрал, а потому и обязан за все рассчитаться. Но публика осталась непреклонной, пригрозив мне обидой.

– Ладно, – сдался я, – пусть будет по-вашему. Но тогда я для вас спую. В качестве моральной компенсации.

Вышел на сцену, спросил у музыканта, могу ли спеть. Тот ответил, что за деньги нет ничего невозможного.

– Песня от представителя Донбасса для киевлян и гостей Киева, – объявил я. Махнул рукой, заиграла музыка и я запел:

Кольщик, наколи мне купола,
Рядом чудотворный крест с иконами...

Блатной шансон не вызвал особого интереса в зале.

– Хочу спеть вам еще одну песню, – продолжил я. – Мне тут сегодня задавали вопрос по поводу моей национальности. А я вспомнил детство, как мои родственники, наши знакомые, соседи собирались в квартирах, домах, во дворах по праздникам за большими столами. Там были люди разных национальностей – русские, украинцы, белорусы, евреи, татары и многие другие. Они пели песни на разных языках, иногда даже не зная языка и не понимая значения отдельных слов. И пели эти песни от души. Так вот, я хочу сказать, что на Донбассе украинский язык знают и любят. Сейчас попробую вам это продемонстрировать.

И я запел песню «Два кольеры». Получилось, по-моему, неплохо. Реакция зала была для меня абсолютно непредсказуемой – бурные овации, посетители ресторана дружно, как по команде, кинулись к сцене. Меня обнимали, целовали, благодарили. Не знаю, понравилось ли им мое исполнение, может, их тронули мои слова, может, то и другое. А въедливый мужик, который выяснял мою национальную принадлежность, подошел и со слезами на глазах заверил, что ему «всэ зрозумило» и что «його пытання знято».

Донецк